

Игорь Шестков "Вакханалия"

Когда мне было четырнадцать лет, я понял, что со мной что-то происходит. Сны меня замучили. Не сны, а сон. Он снился мне каждую ночь. Будто лежу я в огромном стеклянном цилиндре. Цилиндр широкий, вроде как труба. Верхний его конец в небесах, на Млечном пути, а нижний – в раскаленном центре земли. И весь он полон голыми женщинами, как консервная банка кильками. Но только вместо постного там благоуханное розовое масло. Голые женщины и я с ними. Прикосновения их тел мне сказочно приятны. Женщины ласкают меня, мой язык шарит по укромным уголкам их тел, которые мне во сне представлялись очень нереалистично – как в японских мультфильмах. Просыпался я в страшном возбуждении. Как себя успокоить, не знал. Надо было вставать и в школу тащиться.

После школы я шел в близлежащий бассейн. Там тренировался – вначале в зале, потом и в воде. После плавания мылся под душем. Включал воду погорячее, закрывал глаза и балдел. Вспоминал свой сон.

Однажды я так замечтался, что не заметил, как все другие мальчики ушли одеваться в раздевалку. Все, кроме одного. Это был знакомый парень – Анисьев. Он стоял в отдаленной от меня душевой кабинке и совершал ритмичные движения рукой. Когда я подошел к нему, он повернулся ко мне и неожиданно спокойно спросил: «Тебе чего надо?»

Я сказал: «Это что, приятно что ли?»

«Ну и дурак ты. Не приятно, а офигенно!»

Слово «офигенно» он произнес так, как буд-то в нем не два, а десять букв «н».

Последнее «н» перешло в громкий стон и мне на живот полетели белые капли. Я встал под соседний душ, смыл капли и сказал: «Но ведь это запрещено».

«Ничего не запрещено. Мне сосед, иностранец, показал. Год назад. А ты не пробовал?»

«Пробовал, пробовал».

Это была неправда – я не «пробовал».

«Ну, дурак... Пробовал и не понравилось?»

Пора было кончать разговор. Пока мой авторитет не испарился.

Я сказал: «Иди ты...»

И ушел в раздевалку.

Перед сном я «попробовал», но у меня ничего не получилось. К тому же мать пришла и прилегла рядом со мной. И тотчас заснула. Я ворочался, не мог заснуть. Тело матери было горячим, как грелка. Я разбудил ее, сказал: «Ма, ты горячая». Мать что-то проворчала и ушла в свою комнату. А я заснул.

Дальше – хуже. Мой сон начал пробиваться в реальность. Реальность нехотя, но отступала. Я все еще не знал, что со мной. Никто из взрослых не приходил мне на помощь. Мать пыталась мне что-то объяснить, но из ее объяснений ничего хорошего не вышло.

Она говорила мне: «Сынок, в твоём возрасте в организме происходят серьезные изменения. Ты должен это понимать и не обращать внимания. Тренируйся больше в бассейне, больше читай и учись. И главное, спи с руками поверх одеяла».

Вот и вся наука. А у меня уже сексуальные галлюцинации начались. Сижусь я, например, за письменным столом. И гляжу на шкаф. Его поверхность покрыта тысячами маленьких паутинок, образующих затейливые картинку. Абстрактные. Но я в них вижу голых женщин из своего сна. Их тела вертятся, переплетаются, закручиваются в спираль. Они тянут ко мне руки, зывают тихими томными голосами.

Или – листаю я книгу чешских путешественников, которые проехали половину Африки, одну из немногих советских книг, в которой можно было увидеть нагое человеческое тело. Стоит мне на картинку посмотреть – она оживает.

Чернокожие девушки начинают двигаться, они подмигивают мне, делают руками знаки – иди, иди к нам, танцуй с нами! Раздеваются. Я делаюсь маленький и вхожу в картинку. Приближаюсь к ним. Они вплетают меня как цветок в букет из своих тел...

Любопытно, что с живыми людьми у меня не было подобных эксцессов. Да, конечно, случайное прикосновение груди или бедер моих одноклассниц отзывалось во мне электрическим разрядом, но сами одноклассницы и более взрослые девушки, как субъекты, не вызывали у меня эротических

галлюцинаций. Возможно, мне мешала их реальность. Их плоть. Невозможность манипуляций с ними. Невозможность их «оживления».

Тогда же я сам, без подсказки взрослых, открыл для себя искусство. Его эротическую сторону.

Дрожащими руками листал я бабушкин альбом «Дрезденская галерея». На белой странице книги лежала нежнейшая, светящаяся «Венера» Джорджоне. На коленях стояла только распущенными волосами и куском полотна укрытая «святая Агнесса» Рибейры, нагло расставив ноги, лежала, доминируя своим кубическим задом, «Девушка» Трюбнера.

Многие не эротические картины возбуждали меня даже больше, чем голые тела. Например, застрявшие в воздухе фигуры левой половины картины Боттичелли «Из жизни святого Зиновия». Я глядел на них и все мое тело пронизывало странное томительное чувство. Мое тело тоже «застревало», но не в воздухе и не в пространстве, а во времени. Загоралось огнем боттичеллевского колорита. Меня влекло внутрь картины, туда, в ее таинственные «входы», в окна другого мира. В ее преобразующую время и пространство, а затем и тело и душу волшебную камеру, в которой исполняются потаенные желания.

Мое скромное грехопадение произошло, увы, не с человеком, а с изображением. Не в музее, а дома. С репродукцией картины Пушкинского музея «Вакханалия». Пространство этой картины заполнено не воздухом, а зеленоватым свечением, дионисическим нектаром. Тут пахнет вином, потом, женским молоком.

Посмотрев на «Вакханалию», я почувствовал, что падаю в свой сон, в одно из его отделений. Превратился в одного из сосущих молоко козлоногих мальчиков. Ощутил сладость во рту и приятное жжение внизу живота. Вспомнил урок в душевой бассейна. Через минуту все было кончено. Книгу пришлось оттирать тряпкой.

С тех пор жизнь моя изменилась. Или – раздвоилась. Превратилась в два сообщающихся сосуда. В одном сосуде была эротика, в другом – все остальное. Это «остальное» волновало меня не слишком сильно, его задачей было поставлять образы и ситуации для второй, главной половины.

«Тамара», – сказал отчим матери. – Ты же видишь, он нас готов спустить в сортир!»

Эти слова я услышал случайно и подумал с ужасом: «Он прав, я их действительно в сортир готов спустить, потому что они мне мешают. Мешают своими упреками, придирками, бесконечными нравоучениями».

Я воспринимал жизнь, как конвейер образов и ситуаций, которые мои гормоны превращали в эротические, возбуждающие картины. Не только шкаф своей поверхностью, но и сама жизнь своей цветной лентой наполняла соблазнительными кошмарами мой «декамерон».

Иногда видения имели сюрреалистический вид. Иду я, например, по Ленинскому проспекту. Смотрю на дома, на людей, на машины. И вдруг вижу – из всех окон смотрят на меня обнаженные синие женщины. Грациозно, через плечо. Очень классично. И соблазнительно. И все деревья на аллее оживают как дриады, синеют и тоже превращаются в синих красавиц. И из окон машин выглядывают синие женские лица. Огромное белое облако медленно синеет и меняет очертания. Появляется голова, руки, ноги. И вот, над проспектом уже висит гигантская синяя фигура. А под ней красный транспарант: «Партия – наш рулевой». И портрет Ильича.

Еще интенсивнее были мои эротико-архитектурные видения. Все дома представлялись мне как великаны. Они стоят и смотрят. Давят мощью своих коленей и спин. Они внутренне напряжены, эти колоссы. И сексуально озабочены. Страшно медлительны. Главное здание Московского университета на Ленинских горах – их предводитель. Предводитель московского войска.

Этот составленный из прямоугольников гигантский фаллос воткнул в глинистую почву Ленинских гор страшный дядя Сталин. По пояс. С тех пор он стоит и смотрит на Москву с высоты. Очертания его широких плечей украдены архитектором в Нью Йорке. На сплюсшей цилиндрической голове – шпилевидная дурацкая шапка. Вместо члена – гигантский куб с колоннами – Главный вход. Его тело разбито на зоны. В них муравьи учат муравьев.

После грехопадения физическое мое состояние улучшилось, но начались страдания другого рода. Меня мучило то, что я был сам себе муж или сам себе жена. Меня терзала не столько нечистая совесть, сколько сексуальное одиночество. Меня влекло к девушкам, но я не знал, что делать, что говорить. И стеснялся зверски.

Я решил, «если не получится по-хорошему», пойти к проституткам. «По-хорошему» не получалось. Не только потому, что я не знал, как подступиться, а потому, что подступаться было не к кому. Нравы и обычаи советского государства или, по крайней мере, среды, к которой я принадлежал, не позволяли какой-либо женщине или девушке «спутаться» с пацаном.

Из съэкономленных полтинников, которые мама давала мне на обед в школьном буфете, составила наконец гигантская для меня сумма в двадцать рублей.

Куда идти, где искать «б..дей»? Как купить презерватив?

Я направился за информацией в параллельный класс – к Анисьеву. Анисьев был второгодником, ему было почти шестнадцать, и он мне представлялся знатоком амурных дел.

Вдоволь поиздевавшись над молокососом, Анисьев нехотя сообщил, что «девки в Москве есть только на Соколе. Стоят у метро в ряд. Выбирай любую».

«А сколько это стоит?» – спросил я, не зная точно, что «это».

«От рубля до трешки».

Зря значит, я столько денег накопил.

«А где гондон купить?»

«В аптеке».

Пошел я в аптеку.

«А не рано вам, молодой человек?» – ехидно заметила аптекарша, заворачивая в бумажку два презерватива. Бумажка жгла мне руку. Спрятал ее поскорее в карман. И удрал.

Вечером наврал что-то для оправдания завтрашнего отсутствия дома.

И на следующий день поехал. На метро. На Сокол.

По дороге думал: «Хорошо, что ехать целый час, надо успокоиться и взять себя в руки».

Это оказалось труднее, чем я полагал. Люди стали другими. Многие вопросительно и насмешливо смотрели на меня. Казалось, они хотят спросить: «А вы куда едете? На Сокол? А не рано вам, молодой человек?»

На мне горела шапка. Жгла совесть. Гадкий внутренний голос кричал: «Ни на что не годен, м.дак!»

Внешний мир вторил: «А не рано ли тебе покупать женщин? Это ведь не

пирожки с капустой. А презервативом умеешь пользоваться? Ничего у тебя не выйдет!»

И сам я говорил себе: «Ну ладно, приедешь ты на Сокол. Найдешь какую-нибудь. А куда ты с ней пойдешь? На дворе осень. Дождь. Лужи. Эх ты, дубина!»

Приехал. Выхожу на площадь. Народу вокруг! У парапета стоят женщины. Серые. Те? Черт их знает. Просмотрел их глазами. Вроде те. Подошел к одной и сказал: «Пойдем со мной». Она пошла. Но тут же разъяснила ситуацию: «Ты не подумай, что я какая больная. Три рубля. И резинка. Пойдем в один дом. Близко. Иди за мной. И перестань дрожать. Никто тебя не съест». Потом посмотрела на меня, хмыкнула и спросила: «В первый раз что-ли?»

«В первый раз».

Мы пошли. Она шла впереди. Я трусил за ней. Улица прыгала у меня под ногами. Ноги не шли. Внизу живота сосало. Ей ведь не меньше двадцати! И грубая. Голос низкий, каркающий. И сзади на ворону похожа. И нос длинный, как у вороны клюв.

Подошли к дому. Прошли в подъезд. Поднялись на лифте на восьмой этаж. Прошли еще пролет. Вышли на чердак. Там было тепло. Поблескивала серебряная изоляционная бумага на трубах. Валялись провода, стояла старая изломанная мебель. Велосипед без колес, детская коляска, холодильник. Прошли метров двадцать – в захламленном углу железная кровать. На ней лежала куча тряпья. Девушка сказала: «Ну вот и квартира. Ну чего стоишь как пень. Снимай штаны. Я не могу тут весь день с тобой возиться».

Я чувствовал себя сломанной механической куклой. С трудом снял куртку. Медленно расстегнул штаны и спустил на колени черные трусы. Девушка скинула пальто, сняла зеленую кофточку. Расстегнула не очень чистый розовый лифчик. Я увидел ее небольшие груди. Левая была заметно меньше правой. На коже остались следы от резинки. Как будто проехал маленький трактор.

Спросил: «Как тебя зовут?»

«А тебе не все равно? Любой зовут. Да ты, я вижу, и не хочешь ничего».

Она была права. Ничего я не хотел. Желание исчезло. Исчезли и сообщающиеся сосуды. Жизнь упростилась. И страх прошел. Хотелось уйти. Девушка положила

руку на мой живот.

Я сказал: «Не делай ничего. Я пойду».

Она разозлилась: «Плати деньги и вали. Ребенок, бля!»

Я вынул из кармана мои двадцать рублей и подал ей. Считать и думать не мог.

Она взяла деньги. Отсчитала три рубля, остальное подала мне назад.

И тут мы услышали уверенный хриплый голос из другого угла чердака: «Деньги ложи на кровать».

Из темноты вышли два типа и подошли к нам. Оба – худые, за тридцать, в наколках, пьяные или начифиренные. У одного – в руке нож. Он подошел к девушке и прохрипел: «У, сука... давай деньги!»

Взял у нее кошелек и положил себе в карман. Забрал и мои полтинники. Потом взял девушку за волосы и сильно дернул. Вниз. Она вскрикнула и упала на колени.

«Расстегни штаны и соси, сука!» – приказал он.

В это время второй подошел ко мне.

«Давай часы».

Я снял часы и подал ему. Одной рукой он принял часы, а другой как-то странно размахнулся и огрел меня чем-то железным. У меня от боли перехватило дыхание. Я сел на пол. Увидел в его руке велосипедную цепь. Подумал: «Если он меня ей по голове ударит, то убьет». Но убивать меня видимо не входило в его планы. Он связал мне руки и привязал к какой-то трубе. Расстегнул ширинку и встал рядом с товарищем. Девушке пришлось обслуживать двоих. Они сопровождали происходящее комментариями, которые мне не хочется вспоминать.

Сердце мое было в пятках. Я предвидел, что, получив желаемое, мерзавцы не оставят нас в покое, а захотят помучить. А потом...

В голову неожиданно пришли слова: «Пресвятая Богородица, помилуй меня грешного, спаси и сохрани!» Я повторял их снова и снова. Молитву эту я слышал от бабушки. Легче мне не стало – сердце трепыхалось, по спине струился пот. Но я, по крайней мере, не умер от страха.

Я видел все. Видел как один тип срывал с девушки оставшуюся одежду. Потом заламывал ей руки. Другой бил ее ногой. Потом ремнем. По груди, по спине.

Слышал как она кричала. Но убивать ее они, по-видимому, тоже не хотели. Один из типов сказал что-то другому, показал на меня. Тот подошел ко мне и ударил кулаком по лицу. Потом еще раз. Во рту у меня стало тепло и солоно. Потом оба ушли.

Девушка с трудом встала, оделась и развязала меня. Я поднялся. Выплюнул кровь. Челюсть болела. В верхнем ряду зубов образовалась прореха. Девушке тоже досталось крепко – нос ей сломали, один глаз заплыл, она охала, хромала, левую руку прижимала к груди.

Мы не говорили между собой. Вышли из дома и пошли в разные стороны.